

Н

а общем фоне падения интереса к литературе отдельные ее сегменты чувствуют себя достаточно бодро. К таким исключениям относятся, прежде всего, «мотивационные книги». Сочинения о том, как «плюнуть на все и найти себя», пользуются стабильным успехом и хорошо продаются. Из сфер деятельности, которые предлагают сделать «своими» для читателей, особенно много книг об игре на бирже в домашних условиях и о том, как «стать успешным писателем». Никто почему-то в печатном виде не призывает бросить вызов судьбе в области химической промышленности.

Последствия чтения подобной литературы разные. Прочитав книгу о внешне загадочных, но прозрачных для автора правилах и законах финансовых операций, начинающий биржевой делец совершает первый осмысленный шаг: на радость семье берет кредит в ближайшем банке. Оставим его в мире торговли ценными бумагами. Нас интересуют читатели, решившие перейти «линию фронта» и попробовать себя в писательстве. Многие из них обращают внимание на то, насколько автор «мотивационной книги» сам преуспел в литературе. Как правило, сочинитель — мудрый коуч¹, полностью реализовавший себя в наставничестве. Возникают законные сомнения...

Но есть и приятные исключения. Совсем недавно Борис Акунин выпустил книгу, жанр которой раскрывает в ее названии — «Русский в Англии: Самоучитель по беллетристике». Как бы кто не относился к ее автору, но не признать успешность Акунина в беллетристике невозможно. Предлагаю о книге поговорить.

Коротко о структуре самоучителя. Он состоит из исторических новелл на озвученную тему: русский в Англии. Хронологические рамки — четыреста лет: от жениховского посольства Ивана Грозного до непростых отношений Марии Будберг с Гербертом Уэллсом. Каждую новеллу предваряют рассуждения автора о писательском ремесле, которые содержат советы и рекомендации. Каково общее впечатление? Оно двойственное. С одной стороны, читатель получит взвешенные и, безусловно, полезные советы. В то же время трудно назвать их оригинальными. Все уже было озвучено, и не однажды. Некоторые же из рассуждений, вызывают

¹ Коуч — персональный тренер и консультант, который помогает преодолеть проблемы в жизни или работе, достигать поставленных целей и повышать качество жизни в любом ее проявлении (*Википедия*).

интерес, похожий на изумление: «В авторской речи, пожалуй-ста, соблюдайте определенный стиль: пишете языком “Капитанской дочки” и “Повестей Белкина”. Представьте, что вы — Пушкин». Хороший совет, проблема заключается лишь в легкости его исполнения. Автор пытается подкрепить свои рассуждения ссылкой на классику: «Это была женщина высокая, с темными бровями, прямая, важная, солидная и, как она сама себя называла, мыслящая», — говорится о даме, которая Чехову несимпатична, но чувствуется это лишь по неприязненному эпитету «важная». Мне представляется, что для Чехова важнее указание на то, что дама называет себя «мыслящей». Говоря о проблеме отрицательного героя, Акунин приходит к тому, что талант писателя заставляет читателя перевоплотиться в нехорошего персонажа. В качестве примера приводится «Мелкий бес» Сологуба. Кто и когда ощущал себя Передоновым? Иногда в текст подпускается «научность»: «Образец для имитации — искрящийся волшебными пузырьками нарратив “Мастера и Маргариты”». Это нужно смаковать, вкушать, катая на языке пузырьки нарратива.

Написан самоучитель неожиданно неряшливо для аккуратного прежде Акунина. Почему-то автору полюбилило слово ужас и все производные от него. Мы читаем: «Англия царю ужасно понравилась», «ужасно обрадовался», «Наталья Алексеевна с ужасом поняла, что любит его», «ужасно любила сплетничать», «ужасные вещи», «ужасные грозы», наконец, «произошла (о ужас!) сексуальная революция». Хотя зачем же останавливаться: «автор сулил и грядущие ужасы». Закончу далеко неполный список сакраментальным авторским: «душа, пребывающая в ужасе». Время от времени, нужно признать, наставник пишущей молодежи выдает более оригинальные вещи: «Вызывает у автора люгую антипатию». Еще раз — антипатия, которая лютая. Думается, что честнее и цельнее сделать антипатию ужасной. Также ужасны, извините, попытки сделать красиво: «Кожа отсвечивала мягким оттенком замши, пустые груди висели величаво, словно орденские звезды на мундире заслуженного генерала». За такое художество не стоит ждать награды, ордена даже на самую молодецкую грудь. Сами новеллы, задуманные в качестве образцов для подражания, написаны удивительно неинтересно. Не спасает даже эпизодическое появление многими любимого Эраста Фандорина. Он ничем не выделяется на фоне таких же функционально картонных персонажей.

В конце скажу несколько слов о неожиданной содержательной подкладке учебника для начинающих литераторов. Безусловно, Борис Акунин, как и каждый из нас, имеет право на собственный взгляд, обнимающий русскую историю, и политические предпочтения. Также никто не может запретить говорить о них. Даже в рамках такого внешне аполитического жанра, к которому относится самоучитель по беллетристике. Проблема в мере и эстетике подачи. Кредо автора выражается в ремарке к драматургическому упражнению о пребывании Петра I в Англии: «Петр страдальчески мычит». Это относится к большинству «русских персонажей». Мудрые англичане понимают нехитрую природу наших соотечественников уже в самом начале книги, когда речь идет о посланниках Ивана Грозного:

«— Если москвиты будут вас о чем-то спрашивать, отвечайте что взбрет в голову, — напутствовал Бромли очоленную барышню. — Переводчик — человек наш, он переведет как должно. Главное, не улыбайтесь. У москвитов улыбка почтается знаком слабости».

Правда, улыбчивые и веселые бритты иногда об этом забывают. Плохие русские напоминают им об этом делами. Естественно, Джек Потрошитель — тоже русский. Немногочисленные хорошие русские персонажи напоминают о себе словесно. Капитан Чичагов пишет в письме к своей островной возлюбленной: «Нам

нельзя быть мужем и женой. Ваш покойный отец был тысячу раз прав. Россия не та страна, куда порядочный человек может привезти жену, если любит ее так, как я люблю Вас. Здесь не существует закона, уважения к личности, обороны от произвола высшей власти». Милейшая Элизабет — дочь просвещенного XVIII века — выговаривает жениху: «Как Вы могли унижить меня небылицами про то, что кого-то, пускай даже в России, возможно без суда и приговора уморить в тюрьме или заколотить в какой-то ящик? Неужто я дала Вам основания считать меня дурой, которая может поверить в подобные сказки?»

Да, всегда. В ящики. С пометкой «не кантовать». Этим и объясняется уход русской классики в область идеального: «Должно быть, из-за того, что условия существования здесь всегда были тяжелы, а часто и унижительны». Подобная монотонность вкупе с неидеальным содержанием существенно обесценивают интересно задуманный проект.

Жаль, ведь Борис Акунин — даровитый и мыслящий беллетрист, который мог бы своим примером способствовать появлению новых интересных писателей.

